

ОБЗОРЫ

ЭО, 2015 г., № 1

© К. Халлик, Ю.П. Шабаев, А. Регельманн, Дж.В. Ламоро, Б. Бауринг, В.В. Полещук.

Обзор кн.: *Этническая политика в странах Балтии* / отв. ред. В.В. Полещук, В.В. Степанов. М.: Наука, 2013.

К. Халлик

Между диаспорой и меньшинством

В книге “Этническая политика в странах Балтии” исследователи рассматривают широкий круг вопросов национальных отношений. По ряду причин балтийский опыт вызывает весьма большой международный научный и политический интерес, о чем, в частности, свидетельствуют и опубликованные в сборнике обзоры о позиции Совета Европы и Евросоюза касательно этнополитики балтийских стран. Естественно, не могут обойти балтийскую тематику стороной и российские ученые. В современной российской научной практике, как отмечают А. Бердников и Д. Ханов, наметились два исследовательских подхода. Во-первых, исследование отношений между этническими сообществами, большинством и меньшинствами, или внутренних отношений, ведущих к складыванию гражданской общности этих стран. Второй подход связан с признанием того, что русские и русскоговорящие группы не отпочковались полностью от российского “материка” и в такой своей роли оказывают влияние на официальную позицию России и на межгосударственные отношения со странами Балтии (с. 362).

Концептуальные рамки этого труда заданы введением ак. В. Тишкова и В. Степанова, а также статьей В. Полещука. В. Тишков и В. Степанов подвергают критическому разбору европейскую концепцию этнических меньшинств и мультикультурализма. Авторы считают основным пороком Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, а также политической практики европейских государств неравное отношение к автохтонным и новым, иммигрантским меньшинствам. Слабое воздействие общеевропейских принципов защиты прав меньшинств авторы видят в “закреплении несостоятельной идеологии и бытовых представлений о существовании твердо установленных групп меньшинств” (с. 12), что позволяет государствам избирательно опеределять группы, подпадающие под защиту конвенции. Поскольку балтийские государства официально определили свои этнические меньшинства на основе восстановленного досоветского гражданства, то, с формальной точки зрения, конвенция не нарушена, несмотря на то, что этим Латвия и Эстония вывели большинство постоянных “нетитульных” жителей из-под ее защиты. По этой причине в книге уделено большое внимание международным оценкам балтийской этнополитики в целом. В этой связи представляет интерес статья голландского профессора Д. Коченова, в которой автор рассматривает критические оценки этнополитики Эстонии и Латвии, принятые в разные годы Европейской Комиссией и другими институтами Евросоюза (ссылки на эти документы есть также в других работах). Как правило, их содержание не отражается в полной мере в работах балтийских исследователей, а предложенные рекомендации пока не стали предметом общественного внимания или вопросом публичной политической жизни.

Но фундаментальной причиной современных противоречий и кризиса этнополитического развития в постсоветских государствах во введении называется сама «доктрина и практика этнического национализма советского образца, породившая так называемые “национально-освободительные проекты” под лозунгом о праве наций на самоопределение» (с. 14). Более того, на этнические элиты, их эгоизм и “политическую изощрённость” возлагается чуть ли ни вся вина за распад Советского Союза. Однако главный критический пафос введения направлен против самой доктрины этнического национализма как принципа государственного строительства. Данный подход поддерживает также В. Полещук, опираясь на аналитические модели этнического доминирования, т.н. этнической демократии и этнического контроля, которых придерживаются некоторые учёные, занимавшиеся, среди прочего, и балтийской тематикой (с. 31–33). Вообще

Клара Халлик (Klara Hallik) – к.и.н., социолог, независимый исследователь (Эстония); e-mail: klara.hallik@gmail.com

же интерпретация этнополитики балтийских стран, как явствует из настоящего сборника, имеет уже солидную международную традицию. Это позволяет надеяться на углублённое исследование в дальнейшем не только одного, хотя и несомненно важного аспекта постсоветского развития балтийских стран. Правда, углублённого изучения ожидает и постсоветский национализм в целом. Может быть, прав был Э. Геллнер, выделив особые этапы и зоны нациестроительства в Европе?

“Примерка” существующих теоретических моделей и концепций к практике балтийских стран может быть весьма плодотворной, т.к. позволяет оценить локальную национальную политику в более широком международном контексте. При этом не исключён т.н. дискурсивный конфликт, возникающий вследствие несовпадающих подходов “местных” и “заграничных” учёных к общественным и политическим процессам в балтийских странах. Т. Агарин, например, не без основания утверждает, что балтийские и некоторые западные учёные остаются заикленными на прошлой детерминации противоречий этнических отношений, преувеличивают степень зависимости меньшинств от России и склонны оценивать этнические отношения советского периода как антагонистические (с. 263). Есть основания полагать, что частично эта “заикленность” подпитывается принципиально разными, взаимоисключающими российским и балтийским подходами к оценке прошлого, в частности, событий 1939–40 гг., как это показали В. Полещук и А. Димитров (с. 66). Известно, что в российской интерпретации присоединение балтийских государств якобы не противоречило тогдашним международным порядкам. Борьба за “самую правильную” историческую правду сильно перегружена политическими предпочтениями. Они, в свою очередь, влияют на массовые умонастроения, поддерживая мессианские предрассудки одних и комплексы жертвы других. Излишнее использование политического фокуса при интерпретации этнических отношений объясняется частично также тем, что пока отсутствуют фундаментальные исследования советского периода. К тому же главной парадигмой общественного переустройства, по крайней мере, в первое десятилетие после восстановления независимости, был радикальный отказ от советского наследия. И. Никифоров считает, что подходы к национальной истории Эстонии, Латвии и Литвы, сложившиеся на пике антисоветского движения, воспроизводятся и в настоящее время посредством различных форм политики памяти (с. 145–146). Автор затрагивает очень важную сторону общественной жизни, непосредственно связанную с этническими отношениями. Очевидно, что не только политика памяти, но сама историческая память коренных балтийских народов и здешних русских меньшинств требует полномасштабного исследования. Уже сейчас ясно, что основные параметры политики памяти (в первую очередь символическое освоение пространства и времени) воспринимаются неодинаково “титультными” группами и русскими меньшинствами.

Любая политика отражает в той или иной степени состояние умонастроений общества, независимо от того, возникли ли они как стихийная реакция на обстоятельства (“практическое знание”) или были сконструированы и внедрены посредством просвещения и культуры. Некоторые исследователи, как В. Полещук (с. 30–31), увязывают политику балтийских государств по отношению к этническим меньшинствам, или “балтийскую версию национализма”, с как бы особым этническим самосознанием эстонцев, латышей и литовцев, в представлении которых нация якобы осознаётся только как этнокультурная и языковая общность, но не как гражданское и государственно-политическое сообщество. То есть истоки этноцентричной политики по отношению к меньшинствам видятся в примордиальной версии нации. Пока нет достоверных подтверждений, что так оно и есть в действительности. Какими бы особенными балтийцы себя ни считали, их опыт взаимодействия с соседними народами и культурные связи в течение всей истории являются неотъемлемой чертой национального бытия. Если в какие-то периоды модернизация национальной жизни или взаимодействие с другими народами воспринимаются через призму конфликтности и культурного изоляционизма, то причины этого вряд ли кроются в непреодоленном примордиализме национальной идентичности. Реституционная политика, которую также описывали авторы рассматриваемой книги, доказывает, что ее побудительным мотивом была не тревога за исчезновение этнической экзотики, но стремление вернуть, восстановить насильственно отнятое государство.

Все исследователи балтийских обществ так или иначе должны касаться особенностей этнического состава населения. Авторы данного труда характеризуют основные тенденции демографического развития региона и особенно роль русских, что может частично объяснить исторически истоки современной этнической политики балтийских стран. Аксиоматическое утверждение, что “русские жили здесь испокон веков”, мало говорит об этническом взаимодей-

ствии разных групп. Русские в Прибалтике никогда не были единым сообществом ни в социальном и экономическом, ни в этнополитическом или религиозном смыслах. Их статус в разные исторические периоды и их взаимоотношения с “местными” могли меняться в зависимости от политики имперского центра и даже от особенностей международного развития. В целом в результате политических изменений первой половины XX в. старожильское русское население Балтии потеряло большую часть своих элитарных групп, в основном из-за ограниченных возможностей самореализации в маломощных и бедных государствах. По той же причине не задержались здесь и осевшие на короткое время белоэмигранты. Не последнюю роль играла и националистическая политика молодых государств, социальное острие которой было направлено против прежних хозяев и правителей. К тому же наиболее деятельных местных русских коснулись сталинские репрессии, их организации были разрушены, а культурная жизнь советизирована. В конце войны часть балтийских русских, как и сотни тысяч латышей, литовцев и эстонцев, спаслась бегством на Запад.

Авторы обстоятельно рассматривают демографические изменения в советский период в результате массовой иммиграции русского населения, которая в корне изменила прежние, ещё не вполне окрепшие отношения русских с “титульными”. К 1990-м годам в странах Балтии проживало уже около двух миллионов русских и русскоговорящих представителей других этнических групп. Образовались новые сегменты русского населения, в разной степени отдаленные как от “местных” русских, так и от “титульных”. В значительной степени это зависело от времени и структурных особенностей миграционных потоков. В первое послевоенное десятилетие русское население прибывало, в первую очередь в Латвию и Эстонию, по линии административного и ведомственного набора. Впоследствии главную роль в стимулировании иммиграции стали играть “союзные предприятия”, создание которых в Литве началось позже, но и там этому процессу сопутствовал мощный приток русского населения в 1970–1980-е гг. Расселение и структура занятости пришлого населения, а также прямые связи или подчинение “головным” союзным организациям подспудно стимулировали отдельное от коренных народов существование. Например, полностью русифицированным оказался северо-восточный регион Эстонии. Кстати, непонятно, почему при поиске причин сдвига балтийского национализма в сторону этнической составляющей авторы не обратили внимания на остроту политических конфликтов 1988–1991 гг. и политическую мобилизацию части русского населения против балтийских движений? Пытаясь сдержать сепаратизм союзных республик, центральная власть опиралась и на местных русских, что лишь усилило политический аспект этнокультурного разделения.

В заключение выскажу несколько соображений о том, как могут далее развиваться этнические отношения в странах Балтии. Политика Эстонии и Латвии в 1990-е годы в сфере гражданства неизбежно толкала часть русских в сторону России и выбора российского гражданства; прочие же выбирали гражданство других стран или становились “негражданами”. Литва избежала таких потрясений. Интеграция была темой для обсуждения лишь в узком кругу научных деятелей. Но уже в следующее десятилетие балтийская этнополитика стала больше соответствовать общеевропейским правовым нормам и стандартам защиты меньшинств, что улучшило общие условия для преодоления этнического отчуждения и недоверия. Несмотря на то, что идеология и практика восстановления государственности были направлены на развитие традиционного национального государства, страны Балтии уже вступили в сообщество стран, где типичное для XX в. национальное государство с его этнической коннотацией, когда-то не без успеха выполнявшее консолидирующую роль, во многом стало историей. На фоне постмодернистских перемен традиционной парадигме “одна страна, один народ” вызов бросили этнические, мигрантские и национальные меньшинства. Новые меньшинства стран Балтии, подобно иммигрантским меньшинствам Западной Европы, пережили во многом те же этапы развития в своих отношениях как с балтийскими обществами и государствами, так и со своей “этнической родиной”.

Увеличится или нет вклад меньшинств в сбалансированное демократическое развитие общества зависит от того, в какой степени эстонцы, латыши и литовцы будут готовы признавать и уважать мультикультурный характер балтийских обществ, и от того, в какой степени государство сможет обеспечивать меньшинствам равное участие при определении общенациональных задач и ценностей. Не исключены, конечно, и иные сценарии развития событий – например, “диаспоризация” местных русских. В этом случае возможна разбалансировка базовых общественных отношений и эрозия института гражданства (в особенности если будут сохраняться напряженные и конфликтные отношения между странами Балтии и Россией). Альтернативой

для двойной лояльности и двойной маргинальности в диаспоре может стать бо́льшая, чем наблюдается сейчас, вовлеченность русских меньшинств стран Балтии в развитие общества. При этом в силу ряда причин (особенности расселения, языковой барьер, различия в идентичности) в Эстонии и Латвии массовая ассимиляция русского меньшинства крайне маловероятна.

Ю.П. Шабаев

Балтийская этнополитика: поиск будущего в прошлом

Обобщение как позитивного, так и негативного опыта этнополитики, поисков, решений и неудач в деле регулирования отношений между государством и миноритарными культурными группами, между этническим большинством и этническими меньшинствами является сегодня крайне актуальной задачей. Она актуальна и в теоретическом, и в конструктивно-прикладном плане, поскольку итоги исследований дают возможность лучше понять характер культурных и политических процессов в сложных сообществах, с одной стороны, и определить возможные пути оптимизации культурной политики и правовой защиты меньшинств – с другой.

В этом смысле обсуждаемый сборник статей представляет особый интерес для российских исследователей, поскольку речь в нем идет не только о ситуации в странах, которые долгое время были частью единого с Россией политического и культурного пространства, но и о практиках государственной этнополитики и нациестроительства, которые имеют проблемный характер и вызывают острые споры среди как отечественных, так и зарубежных экспертов.

Анализ форм и методов этнополитики в странах Балтии важен не столько в плане критики балтийской этнополитики, сколько для оптимизации государственной национальной политики РФ, ибо “балтийский опыт” пытаются заимствовать и тиражировать активисты этнических движений в самой России (*Шабаев, Чарина* 2010).

Но поскольку речь идет об этнополитических процессах в тех странах, которые сегодня являются полноправными членами Европейского союза, постольку очевиден и более широкий контекст поставленных в сборнике вопросов. Не вызывает сомнений, что обсуждаемые проблемы связаны с особенностями культурной интеграции объединенной Европы, с путями формирования общеевропейской идентичности, с восприятием разными странами Союза европейских норм права и европейских ценностей, с политикой ЕС в отношении европейской периферии.

Собранные в книге статьи по большей части являются попыткой строго академического анализа практики этнополитики Литвы, Латвии и Эстонии, но при этом авторы справедливо замечают, что не всегда возможно оценивать те или иные политические решения беспристрастно, тем более что этнополитика стран Балтии – предмет острых публичных дискуссий, а политические практики нередко опираются на заключения и выводы далеко не беспристрастных местных исследователей. И все же, на наш взгляд, авторам и составителям сборника в целом удалось избежать некой изначальной “заданности” выводов и суждений по поводу этнополитических процессов в балтийских странах, которыми порой грешат как российские исследователи, так и их оппоненты из Прибалтики.

В центре внимания исследователей несколько значимых проблем: 1) политический миф как инструмент культурной сепарации и дискриминации; 2) роль исторической памяти в формировании моделей этнополитики и нациестроительства; 3) роль языка как инструмента нациестроительства и как идеологии; 4) соотношение этничности и гражданства в балтийской модели демократического транзита; 5) балтийская этнополитика в контексте европейской интеграции.

Обсуждая современную ситуацию в Балтии, и местным, и европейским, и российским исследователям неизбежно приходится апеллировать к советскому прошлому Литвы, Латвии и Эстонии, ибо десятилетия господства коммунистической идеологии в балтийских странах наложили глубокий отпечаток на все стороны их жизни, а особенно на политическую культуру населения и элит. Более того, современная балтийская этнополитика, как это ни парадоксально, является в каком-то смысле логичным продолжением советской национальной политики (этно-

политики), а политические практики нынешних прибалтийских политиков во многом сходны с большевизмом, что, собственно, и доказывают не столько авторы представленных в сборнике статей, сколько материалы, которыми они оперируют.

Но, обращая особое внимание на советский период истории стран Балтии, нельзя не учитывать и то, как они обрели государственную независимость в XX в., как утратили ее и насколько успешным был первый опыт нацистроительства в названных странах.

В этой связи выскажу довольно спорный тезис, суть которого состоит в том, что обретение странами Балтии государственной независимости в 1918–1920 гг. стало следствием исторических обстоятельств и итогом не “освободительных войн”, а действия внешних сил и текущих интересов влиятельных геополитических игроков. Так, эстонская “освободительная война” была выиграна не силами новообразованной эстонской “армии” и финских добровольцев, а, скорее, войсками русского генерала Юденича, боровшегося с большевиками. После того как эти войска трижды нанесли поражение большевикам под Нарвой и не пустили их на территорию Эстонии, лидеры Советской России поняли, что надо договариваться с эстонцами за спиной Юденича, что и было сделано. Тартуский мирный договор 1920 г., предоставивший Эстонии независимость, стал свидетельством того, что государственного суверенитета можно добиться разными способами, и не всегда он является логическим завершением процесса формирования гражданской нации. В отличие от Финляндии, где к моменту получения самостоятельности в 1918 г. нация практически была сформирована в результате длительной и сложной эволюции финляндского общества, в странах Балтии в указанный период процесс нацистроительства далеко еще не был завершен. В пользу подобной оценки говорит тот факт, что к началу XX в. здесь не сформировалось национально-освободительное движение как таковое, а раздавались лишь отдельные голоса с призывами к ограниченной автономии.

Фактически прибалтийские нации стали формироваться лишь после 1920 г., и при этом национальное самосознание населения стран Балтии и их политических элит не достигло еще той степени зрелости, которая характерна для сформировавшихся наций, поскольку такая зрелость, на наш взгляд, определяется готовностью отстаивать суверенитет государства в любых условиях. В 1940 г., по мнению многих историков и политиков, Литва, Латвия и Эстония были оккупированы Советским Союзом. Не оправдывая действий советского руководства в отношении стран Балтии, необходимо, однако, отметить, что сам ввод советских войск на территорию этих стран был осуществлен в строгом соответствии с договоренностями между СССР и правительствами стран Балтии, а решение об их вступлении в состав СССР было принято представительными органами власти названных стран, т.е. с формальной точки зрения легитимность тех действий, которые именуются “оккупацией”, не вызывает сомнений, хотя все названные события, безусловно, являлись следствием политического давления со стороны СССР. Но здесь интересен другой момент: почему ни политические элиты, ни население не выступили открыто в поддержку идеи суверенитета, почему не последовали примеру Финляндии, которая, защищая независимость, вступила в войну с Советским Союзом?

Тезис о том, что маленькая страна не может оказывать сопротивление сильному соседу, не выдерживает проверки историей. Война между СССР и Финляндией в 1939–1940 гг., война между Вьетнамом и Китаем в 1979 г. и между Кувейтом и Ираком в 1990 г. – это лишь отдельные примеры того, как страны отстаивали свой суверенитет в борьбе с агрессорами, которых, казалось бы, победить невозможно. Но когда нация еще не сформировалась – у нее нет внутренних ресурсов, которые можно было бы мобилизовать для борьбы за независимость. И эта недоформированность наций, а особенно гражданских идеалов, составляющих основу национального сознания, национального единства, серьезно сказалась на дальнейшем политическом и культурном развитии Балтии.

В советскую эпоху процесс нацистроительства был прерван, но при этом сложились вполне определенные подходы к формированию этнополитики, суть которых заключалась не в укреплении гражданского согласия и пропаганде гражданских идеалов, а фактически в этнической сепарации местных сообществ, ибо еще при Хрущеве здесь стала проводиться политика “коренизации”, т.е. опоры на местные силы и обеспечения доминирования представителей титульных этнических групп в государственном и партийном аппарате, в культурной сфере, науке, образовании.

Для титульных сообществ и русскоязычной общины были сформированы параллельные культурные институты, что еще больше укрепило границы внутри местных сообществ. При этом этнодемографическая ситуация в Эстонии, Латвии и отчасти Литве претерпевала изме-

нения, но эти изменения, как показано в статьях И. Никифорова и В. Полещука, В. Волкова, А. Марцинкявичюса, хотя и были значительными, особенно в Латвии и Эстонии, но не колебали социальных позиций эстонцев, латышей и литовцев, не создавали угрозы для функционирования их культурных институтов. Тем не менее уже в советские годы в среде местной интеллектуальной и отчасти политической элиты возникли опасения по поводу того, что демографические изменения в составе населения прибалтийских республик есть реальная угроза для этнической идентичности литовцев, латышей и эстонцев. Эти опасения затем трансформировались в своеобразную региональную мифологию, определившую конкретные формы и методы этнополитики уже независимых стран Балтии.

Проблема политического мифотворчества и его последствий, пожалуй, наиболее очевидно очерчена в статье сборника. Тот факт, что процесс постсоветского нацистроительства в странах Балтии приобрел откровенно мифологизированный характер, в чем-то оправдан, ибо для формирования нации необходим объединительный миф. К тому же миф является доказательством прямого действия и не требует обоснования, и в этом смысле он очень инструментален, востребован идеологией и политикой.

Поскольку гражданские нации в странах Балтии к моменту утраты независимости так и не были окончательно сформированы, а в сознании населения и элит, благодаря советской политике коренизации и сохранению прочных культурных границ между основными этническими группами местного населения, утвердилась этноцентричная и иерархичная модель республиканских сообществ, постольку процесс нацистроительства в постсоветскую эпоху не мог опираться на республиканские идеалы свободы, равенства и братства. И здесь, пожалуй, трудно согласиться с утверждением П. Ярве, что “наследие советской национальной политики стало явным препятствием для новых балтийских элит в их цели добиться реституции, восстановления довоенных государств с доминированием этнонаций латышей, литовцев, эстонцев” (с. 40). Наоборот, советская этнополитика стала фундаментом, на котором строились концепты литовской, латышской и эстонской этнонаций, на что отчасти указывает и сам названный исследователь. Во всех трех странах, используя советские идеи “коренизации” и этнической иерархии (Тишков 1993: 40), основой наций были объявлены титульные этнические группы, а способом интеграции наций – усвоение и безоговорочное признание меньшинствами культурных ценностей доминирующих групп. А раз так, то балтийская политическая мифология была ориентирована не столько на интеграцию общества, сколько на обоснование идеи политической/культурной иерархии и этнической сепарации.

Первый и самый важный миф, взятый на вооружение политиками трех стран, – это миф о реституции, суть которого подробно объяснена в статье В. Полещука и А. Димитрова. Он не является объединительным, а его смысл заключается в обосновании этнической сепарации и строительства на территории стран Балтии не гражданских наций, а разделенных обществ. Идея реституции, как отмечается в целом ряде статей, сводится к тому, что на рубеже 1980–1990-х годов Литва, Латвия и Эстония восстановили не просто государственную независимость, но “восстановили государства”, существовавшие на их территории до 1940 г. При этом очевидно, что все три балтийских государства отличаются от довоенных и территориально, и социальной структурой населения, и структурой экономики, и нормами культурной жизни, и этническим составом жителей, а большая часть граждан родились уже после утраты независимости. И, казалось бы, как можно в этих условиях сделать миф о реституции действенным инструментом политики, социального структурирования общества, культурного строительства? Однако балтийский опыт показывает, что это вполне возможно.

Миф реституции был принят большинством литовцев, латышей и эстонцев, чему в немалой степени способствовало отсутствие глубоких гражданских традиций в политической культуре населения прибалтийских республик. Консолидации этнического большинства балтийских стран и принятию ими мифа о реституции, как показывают исследователи, помог другой политический миф – миф коллективной жертвы, в качестве которой предстают исключительно литовцы, латыши и эстонцы. Тот факт, что в процессе советизации Прибалтики были уничтожены культурные институты меньшинств и сама меньшинственная культура, что жертвами репрессий были русские, евреи и представители других этнических групп, не принимается во внимание, равно как и то, что от большевизма пострадали многие миллионы граждан СССР. Более того, “особая балтийская концепция жертвы” (М. Вигандт) позволяет вынести за скобки этнополитического дискурса факты прямого участия борцов с советским режимом в преступлениях против человечности, к примеру, их участие в уничтожении 100 тыс. евреев в Литве.

Творцы концепции коллективной жертвы исходили из того, что жертва имеет “право” на политический реванш, на компенсацию за те унижения, которые она вынуждена была терпеть. Очевидно, что этноцентричная модель общества, которую разрабатывали балтийские политики и идеологи, ориентирована не на гражданское сознание, а на трайбализм. Для изгнания зла из “обновленных” балтийских сообществ, как во многих традиционных обществах, здесь были необходимы очистительные жертвы. Поскольку “наказать” советский режим было невозможно, постольку в качестве заместительной жертвы стало рассматриваться русское население стран Балтии. Это население идеологи этнонационализма назначили ответчиком за страдания эстонцев, латышей и литовцев. Через акт жертвоприношения, суть которого заключалась в ущемлении политических прав русских и в символическом исключении их из состава наций, восстанавливалась справедливость в отношении литовского, латышского и эстонского населения Прибалтики. Для политического оправдания балтийского трайбализма был создан третий важный этнополитический миф: миф о коллективной вине за “советскую оккупацию”, которая лежит на русском населении Прибалтики. Названную культурную группу стали рассматривать и маркировать как “пятую колонну”, как носителя имперского сознания, как проводника интересов России, которая не утратила своих имперских амбиций и является угрозой для независимых стран Балтии.

Наоборот, российские исследователи и публицисты нередко называют русских в Прибалтике “еврусскими”, “балтийскими русскими”, подчеркивая тем самым их культурное отличие от русского населения РФ. Действительно, русские в Эстонии, Латвии и Литве в большинстве своем воспринимали себя как органическую часть местных сообществ, и неслучайно многие из них поддержали идею государственной независимости, а в числе активистов Народных фронтов, возникших в эпоху горбачевской перестройки, были и русские. К примеру, нарвское отделение Народного фронта Эстонии, где были преимущественно русские, являлось активной частью этого политического движения (Народный... 1989).

Избранная литовскими, латышскими и эстонскими элитами форма этнополитического маркирования русскоязычного меньшинства была самым эффективным способом разделения жителей балтийских стран на различные категории граждан, обладающих неодинаковыми правами и/или имеющих разные возможности для социальной мобильности. Но важно заметить, что, как подчеркивают авторы статей, с балтийскими методами политической и культурной сепарации граждан были согласны многие западные политические деятели и эксперты, заявлявшие о своей приверженности нормам демократии.

При этом политическая мифология была важна прежде всего как аргумент для обоснования “права на дискриминацию” по этническому признаку. Правда, дискриминация носила скрытый характер, поскольку прямые ограничения прав на основании этнической принадлежности жителей стран Балтии было бы крайне сложно оправдать и объяснить европейскому и мировому сообществу. Способом же такой скрытой дискриминации была избрана политика гражданства, в результате которой на начальном этапе постсоветского нацистроительства около трети жителей Эстонии и Латвии были лишены гражданства и объявлены негражданами, т.е. в Эстонии и Латвии произошло то, что А. Коэн назвал в свое время процессом ретрайбализации. Ретрайбализация, по А. Коэну, есть процесс, при котором этническая группа, вовлеченная в борьбу за власть и привилегии с членами другой группы в рамках формальной политической системы, для достижения своих целей манипулирует обычаями, мифами, символами и с их помощью создает политическую организацию, которую использует в качестве оружия в этой борьбе (Cohen 1969). В данном случае такой политической организацией является этнократическое государство.

Этнократическое государство создает механизмы, с помощью которых культурные границы внутри него поддерживаются и воспроизводятся. Для того чтобы политические мифы эффективно работали в рамках модели разделенного общества, элитам стран Балтии необходима была специальная политика исторической памяти, т.е. такая политика, с помощью которой исторический нарратив обретает тот смысл, который диктуется требованиями текущей политики, ориентированной на интересы этнического большинства. В результате выбранной в странах Балтии политики исторической памяти происходит, по мнению И. Никифорова, не только “присвоение истории” этническим большинством, но осуществляется “овладение пространством”, “присвоение времени”, “приручение школы”, что в итоге оставляет этнические меньшинства без собственных исторических образов, без своих пространственных ориентиров и топонимов, без культурных институтов, помогающих сохранять идентичность и культурное наследие. В этой связи уместно сослаться на замечание Х. Майалла: “Формы того, как группы хранят и

воспроизводят память о своем прошлом, имеют решающее значение для мобилизации конфликтов, а значит, и для примирения и работы с культурными традициями” (Майалл 2007: 85).

Попытки вытеснить из социального пространства балтийских стран историческую память меньшинств, отодвинуть их ценности и интересы на периферию местного культурного ландшафта и этнополитики создают почву для конфликтов, о чем можно судить по статье Т. Богушевич, посвященной протестной мобилизации русскоязычного населения Латвии. Автор обращает внимание на то, что протестная мобилизация произошла не тогда, когда это было наиболее политически выгодно и удобно для русского меньшинства, а тогда, когда возник конфликт культурных интересов между этническим меньшинством и этнократическим государством. А это означает, что есть очевидные пределы для дискриминации меньшинств и что лояльность русско/русскоязычного населения государству как таковому (именно этим можно объяснить отсутствие массовых протестов при принятии законов о гражданстве) не есть лояльность в отношении методов этнополитики, практикуемых в балтийских странах, особенно в Эстонии и Латвии, поскольку Литва совершенно очевидно имеет свою специфику культурной политики и политики гражданства. Кстати, проблема лояльности русских/русскоязычных государству требует, вероятно, специального рассмотрения, чтобы показать состоятельность/несостоятельность балтийской политической мифологии и определить, в какой мере гражданская интеграция затронула культурные меньшинства.

Наряду с политикой исторической памяти значимую роль в балтийской этнополитике играет и языковое строительство. Язык здесь еще на закате советской эпохи стал рассматриваться не столько как носитель культуры, сколько как часть идеологии. Во всяком случае, в идейных конструкциях прибалтийских Народных фронтов ему уделялось достаточно много внимания, а требование придать языку этнического большинства статус государственного было для них общим. С обретением государственной независимости языковая политика (как и отношение к этническим меньшинствам со стороны государства и доминирующих культурных групп) резко ужесточилась. Стремление сформировать на территории Литвы, Латвии и Эстонии этнократические государства и этнонации, ограничить права меньшинств и создать зримые и незримые препятствия для социальной мобильности нетитульных групп (“стеклянный потолок”, упомянутый Е. Хелемяэ) неизбежно требовало, чтобы любой публичный акт использования языка трактовался с позиций лингвистического национализма, покоящегося на лозунге “Язык – это власть”. Язык большинства был объявлен единственным государственным языком во всех трех странах. Получение гражданства для неграждан в Эстонии и Латвии тесно увязывалось с языковыми компетенциями, а система школьного образования довольно радикально стала трансформироваться из двуязычной в моноязычную, хотя при этом власти балтийских стран вынуждены были ограничивать свой радикализм под давлением европейских экспертов. Тем не менее Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств не только не была ратифицирована, но даже не подписывалась Эстонией и Латвией (как, впрочем, и Литвой). Собственно, и программы интеграции, которые реализовывались в Латвии и Эстонии, имели целью не формирование общей идентичности, гражданской солидарности, утверждение общих культурных идеалов, а лишь языковую унификацию латышского и эстонского общества. Это означает, что целью властей стран Балтии стала языковая ассимиляция этнических меньшинств (в Литве эта политика имеет свою, но столь же очевидную специфику, особенно применительно к польскому меньшинству).

Жесткая языковая политика является важным, но не доминирующим направлением балтийской этнополитики. Как замечено выше, ключевым элементом концепций балтийских этнонаций является гражданство. Полноценными гражданами и культурной основой этнонаций являются литовцы, латыши и эстонцы и их культурные ценности. Нулевой вариант гражданства, который изначально лидеры национальных фронтов обещали всем жителям балтийских стран, после признания их независимости Россией был реализован лишь в Литве. В Эстонии и Латвии власти отказались от примирительных и объединительных формул, которые бы способствовали формированию плюралистического и мультикультурного общества, а фактически следовали логике большевиков, которые при конструировании облика нового советского общества исходили из идеи, что одна социальная группа (промышленные рабочие) должна стоять на вершине социальной пирамиды, поскольку является наиболее значимой и ценной для общественного развития, а потому эта группа (и выступающие от ее имени политики) могла диктовать остальным нормы жизни в “социалистическом общежитии”. Так же жестко и решительно, как и большевики, этнократические элиты стран Балтии внедряли идею политического и культурного доминирования

титულных етнических групп в политическую, культурную и общественную жизнь местных сообществ, о чем можно судить по представленным в сборнике статьям. И здесь вполне определено возникает вопрос относительно того, можно ли называть ту форму политической организации общества, которая сложилась в Эстонии, Латвии и отчасти в Литве в постсоветскую эпоху, этнической демократией? Хотя некоторые исследователи склонны согласиться с этим (правда, оговаривая, что здесь следует иметь в виду не позднейшую концепцию этнической демократии, которую предложил С. Смуха (S. Smooha), а ее ранний вариант), нам представляется, что в Балтии можно наблюдать *прямое противопоставление этничности и гражданства*, демократии для всех – демократии для избранных, свободной политической и социальной конкуренции – политическому доминированию и дискриминации отдельных культурных групп. Во всяком случае, материалы многих статей сборника позволяют сделать именно такой вывод. В этой связи балтийская этнополитика в большей мере соответствует тому типу этнополитики, который мы назвали политикой исключения (Тшиков, Шабаетов 2013: 252–260). Крайними формами этого типа являются геноцид (например, уничтожение армянского населения Турции в 1915 г., Холокост периода Второй мировой войны, геноцид тутси в Руанде в 1994 г.) и апартеид, проводившийся во времена господства белого меньшинства в Южно-Африканской Республике. А поскольку этнополитические формы, как правило, не существуют в чистом виде, то применительно к Балтии уместно говорить о своеобразном сочетании ассимиляторской политики (преимущественно в Литве) и политики исключения. При этом нет достаточных оснований утверждать, что в названных странах имел место некий “усеченный” вариант мультикультурализма – подобной политики здесь в постсоветскую эпоху, на наш взгляд, не было.

Наконец, весьма важное значение имеет вопрос о том, как оценивать балтийскую этнополитику в контексте европейской интеграции. Этой теме посвящены статьи Т. Агарина, Д. Коченова, Б. Цилевича. С вступлением стран Балтии в ЕС разные этнические группы ее населения связывали разные надежды: этническое большинство надеялось подтвердить свой статус европейцев и стать полноправными членами большого и авторитетного сообщества, этнические меньшинства полагали, что демократические традиции Евросоюза заставят власти изменить отношение к этим группам населения.

Но, как справедливо заметил Т. Агарин, хотя “Евросоюз привержен идеям единства и сотрудничества, соответствующая повестка дня формируется на уровне государства, а не этнических общин, что и привело к нейтрализации восприятия проблем меньшинств в балтийских странах после их вступления в ЕС” (с. 277). И хотя основополагающие принципы европейского права строятся с учетом уважения культурного многообразия, “Евросоюз оказывает опосредованное влияние на возможности государств-членов устанавливать национальные режимы защиты национальных меньшинств” (с. 300), дополняет Д. Коченев. При этом различные институты Евросоюза оказывали и оказывают влияние на власти Литвы, Латвии и Эстонии, призывая их более лояльно относиться к правам и интересам меньшинств. Это влияние дало определенные результаты, но принципиально ситуацию не изменило.

Некоторые авторы выражают осторожную надежду на то, что следование европейским традициям демократии и европейским принципам этнополитики и далее будет способствовать тому, что этнические меньшинства получат больше возможностей для участия в политической жизни, для социальной мобильности, для сохранения культурной идентичности. Но, на наш взгляд, европейские политики и эксперты не замечают того, что *балтийская этнополитика в постсоветскую эпоху развивалась не в русле европейских традиций*, а совершенно по особому пути. Самые близкие ее аналоги мы находим за пределами Европы. Сходные формы регулирования отношений между государством и этническим меньшинством имели место на Шри-Ланке – до того, как противоречия между тамилами и сингалами привели там к началу кровопролитной и длительной гражданской войны. Много общего с прибалтийскими практиками можно наблюдать в Малайзии, где бумипутра обладают значительными привилегиями, призванными обеспечить политическое доминирование и конкурентоспособность титульной группы в сфере бизнеса, государственного управления, культуры, а китайское и индийское этнические меньшинства сознательно ущемляются в правах.

Что касается европейской этнополитики, то в ней не только присутствуют две конкурирующие модели (меньшинственная и мультикультурализм), о которых сказано во введении к сборнику, но наблюдается явный дефицит общей культурной политики и общей политики идентичности, ибо политическая и экономическая интеграция должна предполагать и последовательное формирование гражданской солидарности европейцев на основе общих культурных идеалов

и демократических принципов. Но, вероятно, в Евросоюзе нет еще достаточного единства в области не только бюджетной и налоговой, но и гуманитарной политики, результатом чего стал провал голосования по европейской конституции, усиление мигрантофобии, евроскептицизма. Гражданское единство европейцев сегодня подвергается серьезным испытаниям, и вряд ли балтийская этнополитика послужит делу его укрепления. Во всяком случае, такой вывод неизбежен после знакомства со статьями сборника.

Для сохранения социальной стабильности внутри балтийских сообществ, равно как и европейского сообщества в целом, наверное, желательно, чтобы уровень их консолидации был более значителен. Но чтобы построить консолидированное общество, необходимо формирование традиций местной солидарности и взаимного доверия, ибо «именно доверие позволяет гражданскому сообществу преодолевать то, что экономисты называют “оппортунизмом” – т.е. те ситуации, в которых общий интерес не осознается, так как каждый индивид, действуя изолированно, имеет соблазн уклониться от коллективного действия» (*Патнэм* 1996: 113).

Все соображения, которые возникают после прочтения названного труда, сложно изложить даже в пространной рецензии, и это, несомненно, подчеркивает его научную значимость. Авторы статей ставят перед научным сообществом, экспертами и политиками непростые вопросы. И хотелось бы надеяться, что политические менеджеры прислушаются к голосам исследователей и найдут ответы на эти вопросы.

Источники и литература

- Майалл* 2007 – *Майалл Х.* Трансформация конфликтов: комплексная задача // Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. М., 2007.
- Народный... 1989 – Народный конгресс: Сб. мат-лов конгресса Народного фронта 1–2 октября 1988 г. / сост. О. Оттенсон. Таллин, 1989.
- Патнэм* 1996 – *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996.
- Тишков* 1993 – *Тишков В.* Стратегия и механизмы национальной политики // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993.
- Тишков, Шабаетов* 2013 – *Тишков В.А., Шабаетов Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2013.
- Шабаетов, Чарина* 2010 – *Шабаетов Ю.П., Чарина А.М.* Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб., 2010.
- Cohen* 1969 – *Cohen A.* Custom and Politics in Urban Africa: A Study of Hausa Migrants in Yoruba Town. L., 1969.

А. Регельманн

Создавая “мигрантское” меньшинство

Обсуждаемая книга касается одной из самых существенных проблем постсоветской трансформации, а именно политики, влияющей на сложные этнические отношения в регионе. В сборнике затронут целый ряд тем, например, исторический фон нынешней этнополитики, структурные характеристики групп меньшинств, включая их демографические и социально-экономические аспекты, воздействие на политику внутренних акторов и международных организаций, а в двух очень пронизательных главах (Т. Агарин; А. Бердников и Д. Ханов) проанализированы основные подходы западных и российских ученых при рассмотрении политики в отношении меньшинств в Литве, Латвии и Эстонии. Несмотря на политические, социальные и экономические достижения, за которые справедливо хвалят балтийские страны, в книге убедительно показано, что после масштабной трансформации и интеграции в западном направле-

Ада Регельманн (Ada Regelmann) – Ph.D., приглашенный исследователь, Школа политики, международных исследований и философии, Королевский университет Белфаста (Северная Ирландия); e-mail: a.regelmann@qub.ac.uk

нии там появились свои “проигравшие”, а именно этнические меньшинства, в особенности так называемые русскоязычные. Подобный побочный эффект трансформаций указывает на значительные недостатки постсоциалистической модели демократии и поднимает законный вопрос: способны ли балтийские государства сформулировать работающие идеи ради обеспечения лучшего будущего своих обществ? Некоторые из этих сложных вопросов будут рассмотрены нами ниже.

Завершение “холодной войны” значительно изменило мир, и даже четверть века спустя это особо чувствуется в государствах, появившихся на осколках бывших социалистических федераций. Балтийские общества в период после обретения независимости, как многие другие до них в схожей ситуации, должны были “изобрести” себя заново на фоне глобальных политических трансформаций. Многочисленные вызовы, связанные с политическими, экономическими, культурными, социальными особенностями новых форм региональной интеграции и глобализации, равно как и вопросы безопасности, сменили доминирующие ранее опасения о переходе “холодной войны” в “горячую” стадию. Однако новые вызовы для балтийских стран были тем серьезнее, что в начале 1990-х гг. они спешили не только покинуть Советский Союз, но и сменить международный лагерь. Основным условием желаемого возвращения в Европу стало вхождение в западные региональные и военные организации, а также политическая и экономическая интеграция с Западом. В период вступления в Евросоюз было особенно заметно, что западные политические и экономические структуры служат для стран Балтии маяками, если не моделями, в деле государственного и нацистроительства и выстраивания отношений между обществом и государством. Балтийские страны добились соответствия критериям членства в этих организациях, порою не горя особым желанием проводить некоторые реформы и мирясь с необходимостью жертвовать частью своего недавно обретенного суверенитета на пути “из одного союза в другой” (Агарин).

Ответы на вызовы постсоветской трансформации, данные балтийскими правительствами в 1990-е гг., не были оригинальными. Историческое наследие как коммунистического, так и посткоммунистического периода неизменно влияло на государственную политику, пусть и выборочно. Нигде это не было столь очевидным, как в подходах к управлению этническим многообразием. В книге представлено немало свидетельств, как на протяжении двух десятков лет русскоязычные меньшинства стран Балтии должны были терпеть политику, направленную на ликвидацию или ослабление влияния “прошлого”, которое рассматривалось как нежелательное в рамках доминирующих политических дискурсов (П. Ярве; В. Полешук и А. Димитров; И. Никифоров). На сумрачном фоне балтийских политических реалий авторы показали отлучение меньшинств от равного с представителями титульных групп участия в политической и социальной жизни (Е. Хелемяэ; А. Марцинкявичус), отчуждение и разочарование значительной части “меньшинственного” населения в политических институтах (В. Тишков и В. Степанов), робкие попытки представителей меньшинств оказать хоть какое-то влияние на политику (Т. Богушевич). Несмотря на улучшение политики в отношении меньшинств во всех трех странах, не без давления со стороны международных организаций (Б. Цилевич), политика защиты прав меньшинств и политика интеграции привели к ситуации, когда большая группа людей по-прежнему, в сущности, наказывается за решения, принятые лидерами давно не существующего государства. Таким образом, государственное и нацистроительство в бывшей Советской Прибалтике во многом ориентировано назад, а не вперед, и в большей степени уделяет внимание болезненным воспоминаниям, нежели обеспечению будущего развития своих стран в качестве устойчивых демократий и европейских социальных государств.

В отношении русскоязычных меньшинств основной аргумент местных чиновников сводился к тому, что поселенцы советского времени и их потомки в странах Балтии должны “знать свое место”. Следствием этого, по сути, был отказ признавать за ними право требовать чего-либо от “принимающего” государства. Результаты такого подхода заметнее всего проявились в ограничительной политике гражданства Латвии и Эстонии. Однако в неменьшей степени суровые законы о языке, нереалистичные завышенные ожидания от меньшинств в сфере языкового обучения (при этом недостаточное финансирование и поддержка такого обучения), а также постоянная смена целей политики в отношении меньшинств – всё это привело к тому, что представители меньшинств в социальном, экономическом и политическом плане оказались неконкурентоспособными по сравнению с членами титульных групп. Как с горечью отметил П. Ярве, менее чем за одно поколение в балтийских странах появились огромные различия между титульными и нетитульными сообществами почти во всех сферах жизни, несмотря на практически равные

стартовые характеристики в самом начале постсоветской трансформации (с. 60). В сфере занятости, как показывает Е. Хелемяэ, “стеклянный потолок” для меньшинств был воздвигнут буквально за пару лет, ограничивая с тех пор их социальную и экономическую мобильность. Иными словами, этнополитика создала для русскоязычных ситуацию, скорее схожую с положением иммигрантов западноевропейских государств, так называемых гастарбайтеров, нежели сделала их похожими на исторические меньшинства в странах Центральной и Восточной Европы. Как и у иммигрантов в других странах, их социально-экономическая мобильность была ограничена по сравнению с представителями этнического большинства; как и западные иммигранты, они сталкивались с делегитимизацией своих требований о полноценном участии в политических процессах. Неудачные параллели постоянно проводятся балтийскими политиками и учеными между русскоязычными балтийцами и турецкими и марокканскими гастарбайтерами в Германии или Франции. Однако это делалось преимущественно с целью оправдать балтийскую политику, проводимую в отношении русскоязычных меньшинств. Надо сказать, что для социолога русскоязычные в постсоветской Балтии стали весьма интересным объектом для исследования, так как их невозможно было четко классифицировать ни как классических иммигрантов, ни как историческое меньшинство. В реальности, однако, создание при помощи государственной политики и риторики “мигрантского” меньшинства лишило их представителей возможности требовать безусловного и равноправного участия в политической, экономической и общественной жизни, на которое, судя по всему, они имели полное право.

Грозные предупреждения о дальнейшем отчуждении, разочаровании и маргинализации представителей меньшинств – как с гражданством страны проживания, так и без него, – красной нитью проходят через всю книгу. Вполне ожидаемо некоторые авторы опасаются, что уже скоро ситуация может привести к более масштабным протестным акциям. Действительно, голос самих меньшинств – это то, что во многом остается неслышимым в местной политике; в местных элитах их представителей также практически нет. Первоначально такое положение было прямым следствием политики в сфере гражданства и ограничений по языку в контексте политического участия. Сегодня же исключение из политических процессов не может быть приписано лишь невозможности голосовать или быть избранным. Нельзя отрицать, что отсутствие доступа к политическим институтам, а позднее виртуозная маргинализация меньшинств в этих институтах в долгосрочной перспективе подорвали возможность для формирования их эффективного представительства. Единственным потенциально значимым способом для меньшинств заявить о своих интересах стала борьба, выходящая за рамки институционализированной политики. Но, как видно из выполненного Т. Богушевич анализа меньшинственных протестов, касающихся значительного сокращения русскоязычного преподавания в Латвии, сами протестующие не обладали ресурсами, а также политическими структурами, достаточно влиятельными, чтобы вынудить власти скорректировать свою политику. Схожим образом, как мы знаем, протесты по поводу переноса “Бронзового солдата” в Эстонии были подавлены за несколько дней без того, чтобы это привело к каким-либо существенным изменениям в политике, при этом никакие другие протесты даже близко не были столь масштабными. Так или иначе, массовые протесты меньшинств становятся как бы отдушиной в случае усиливающейся фрустрации по поводу статус-кво и не приводят к изменению политики. Конечно, у меньшинств были проблемы с ресурсами и эффективностью, но и мобилизовать поддержку им было совсем не просто. Абсурдно предполагать, что после окончания протестов куда-то “испарилось” и недовольство меньшинств. Но я склонна не согласиться с теми авторами, которые ожидают более значительных протестов в будущем. Как и в предыдущие годы, мобилизационный потенциал, скорее всего, будет низким из-за готовности меньшинств мириться с неравенством постольку, поскольку они будут видеть улучшение положения людей, которые находятся с ними в схожей ситуации – так называемый эффект туннеля А. Хиршмана (*Hirschman, Rothschild* 1973). Хотя и поверхностно, но условия жизни многих представителей меньшинств постепенно улучшались после того, как националистическая политика и риторика достигли пика в начале 1990-х годов. Кроме того, своеобразный выход для представителей меньшинств может быть найден в получении гражданства другого государства или в миграции в ЕС (вариант “exit option”)¹. Однако мы также знаем, что в целом балтийские государства отвергли требования меньшинств, а значит, весьма вероятно углубление сегрегации в обществе. Но это, в свою очередь, может привести лишь к вспышкам гнева, аналогичным недавним протестам мигрантов и меньшинств во Франции, Швеции или Великобритании: не имеется структур, которые помогли бы оформиться широким общественным движениям в поддержку прав меньшинств в странах Балтии.

Демократические институты поддерживают господство большинства, и они не способны выравнять перекосы в этнополитике балтийских стран. Более того, даже европейские организации, которые оказывали давление на эти привилегированные государства по поводу их политики в отношении меньшинств, ныне более озабочены их национальным суверенитетом, нежели проблемами меньшинств. Уже десять лет фрустрацию меньшинств вызывает упущенная возможность использовать критерии для вступления в Евросоюз для решительного изменения балтийской меньшинственной политики, как это было с внутренней политикой в иных областях. Многие исследования по балтийской этнополитике подтверждают опасения, что само вступление в Евросоюз, по сути, ознаменовало конец любых значительных реформ в этой области – что, кроме прочего, объясняет, почему представители меньшинств с пессимизмом смотрят на возможные перемены в этнических отношениях в будущем.

Правда, какие-то надежды могут быть связаны с европейской интеграцией. Становится очевидным, что вступление в Евросоюз для балтийских стран было лишь первым этапом длительного процесса евроинтеграции. До сих пор страны Балтии использовали ЕС в основном для укрепления своей государственности. Однако сами европейские государства сейчас вступили в эпоху перемен, которые касаются всех членов ЕС: принятие политических решений и политическое регулирование более не находятся в руках лишь национальных правительств; вопросы социальной справедливости более не решаются исключительно отдельными странами; поиск путей выхода из политического, социального и экономического кризиса проводится скорее на европейском и международном, нежели государственном уровне. Что касается принятия решений и политического регулирования, то антидискриминационное законодательство ЕС является вызовом для нынешней категоризации меньшинств в странах Балтии, как это справедливо отметил Д. Коченов. В своей главе он также указал, что некоторые наиболее важные последствия европейской интеграции, например свобода передвижения людей, сравнительно мало изменили страны Балтии, в основном в силу их сравнительной бедности (с. 297). Но вряд ли это всегда будет так. С учетом растущей взаимосвязанности государств, входящих и не входящих в ЕС, наблюдаемых во всех трех балтийских странах демографических изменений (И. Никифоров и В. Полешук; В. Волков; А. Марцинкявичус) и по ходу преодоления последствий экономического кризиса балтийская социальная модель все больше будет зависеть от двух факторов: во-первых, от экономической (и необходимых для нее социальной и политической) интеграции всего населения; во-вторых, от иммиграции, в том числе из других стран Евросоюза. При обсуждении проблем демографии и массового отъезда населения на работу и жительство за рубеж балтийские страны пока не склонны соглашаться, что их социоэкономическое выживание будет неразрывно связано с необходимостью признавать и регулировать все возрастающее многообразие их обществ, и никак иначе (Б. Зепа). Сейчас все усложняет то, что балтийские страны ориентируются на другие страны ЕС, которые склонны хранить верность устаревшей вестфальской модели нации-государства. В этом смысле парадоксальным образом страны Балтии действительно “вернулись в Европу”. Вектор изменений в отношениях между государством и русскоязычными меньшинствами пока не вполне ясен, но я спешу согласиться с Д. Коченовым, что странам Балтии еще предстоят большие перемены.

Примечание

¹ Оба этих подхода (“эффект туннеля” и “exit option”) ранее были хорошо проработаны, хотя и в несколько ином ключе (Bohle, Greskovits 2012: 230–231).

Литература

- Hirschman, Rothschild 1973 – Hirschman A.O., Rothschild M. The Changing Tolerance for Income Inequality in the Course of Economic Development with a Mathematical Appendix // The Quarterly Journal of Economics. 1973. Vol. 87. № 4. С. 544–566.
- Bohle, Greskovits 2012 – Bohle D., Greskovits B. Capitalist Diversity on Europe’s Periphery. Ithaca; L.: Cornell Univ. Press, 2012.

Дж.В. Ламоро

Популярная или прогрессивная? Ирония балтийской этнополитики

“Этническая политика в странах Балтии” по двум особым причинам является долгожданным вкладом в сферу балтийских исследований. Во-первых, книга предлагает широкий инструментарий, при помощи которого можно анализировать характер балтийских многолетних и многообразных этнополитических отношений и вовлеченных в них участников. Это, например, разнообразные исторические перспективы (некоторые авторы осуждают балтийскую политику до и во время советской эпохи, в особенности то, как местные элиты пытались либо вернуться к досоветской политике, либо принять новые более либеральные подходы), различные географические перспективы (отношения рассматриваются с позиций России, стран Балтии, Запада и даже международных организаций), широкий спектр дисциплинарных подходов (разные авторы рассматривают этнополитические отношения сквозь призму политологии, социологии, антропологии, истории, экономики и международных отношений – и это не полный перечень), и внимание к специфическим проблемам (проблематика миграции, экономических теорий, диаспор, прав человека, режима прав меньшинств, образования, внешних сношений, суверенитета, демографии, политики принятия решений и т.п.). Возможно, наиболее важно то (как это указывает Т. Агарин), что авторами подавляющего большинства имеющихся исследований являются либо ученые из балтийских стран, либо из стран Запада, в то время как незападные или небалтийские авторы находятся в подавляющем меньшинстве. Данная книга представляет собой значительный шаг к преодолению этого неравенства. Ее многообразие позволяет предложить нечто существенное практически любому исследователю балтийского региона, демонстрирует самые оригинальные подходы к изучению местных проблем.

Во-вторых, сборник представляет собой отличный пример уравновешенности положительного и отрицательного настроения относительно политики, этнических групп и ответственных руководителей в странах Балтии. Одним из недостатков большинства работ в этой области является их общий явный дисбаланс в подходах исследователей разного этнического происхождения. Например, если у авторов “балтийские” фамилии, то в их общей работе обычно будут позитивно оцениваться балтийские правительства и “титulyные” группы, а Россия и славянские меньшинства – негативно. Если же имена-фамилии звучат “не по-балтийски” (тем более имеют славянские корни), то, как правило, государства Балтии и “титulyные” группы оцениваются скорее отрицательно, а Россия и славянские группы – положительно. Так, в данном сборнике А. Марцинкявичюс приводит свои доводы с пробалтийских позиций, а И. Никифоров, В. Полещук и А. Димитров в своих главах, скорее, с противоположных. Однако многие главы сборника выбиваются из привычной схемы: в частности, в главе, представленной Б. Зепой, латвийское правительство подвергается критике за ошибки в миграционной политике, а Т. Богушевич в своей главе поднимает закономерные вопросы относительно долгосрочных целей протестного движения русского меньшинства в Латвии (и в какой-то степени также в других балтийских странах). Сборник включает как главы с ярко выраженной авторской позицией – либо “за”, либо “против” этнической политики стран Балтии, так и в целом нейтральные тексты. Главы, представленные Е. Хелемяэ и Т. Агариним, в особенности отвечают критериям объективности. В итоге сам сборник получился сбалансированным и объективным, а потому заслуживает высокой оценки.

Теперь о трех недостатках сборника, которые также отражают общие недостатки в литературе по изучению этнополитики балтийских стран. Во-первых, хотелось бы видеть больше количественных данных и их анализа. Это особенно важно для того, чтобы академические суждения воспринимались должностными лицами всерьез. Сборник как таковой богато иллюстрирован множеством замечательных количественных данных. Большинство глав включает широкий анализ политических документов, полуформализованных интервью, анализов СМИ и исторических докладов. Однако за исключением данных демографической статистики по временным и пространственным характеристикам, глава Хелемяэ остается единственной, базирующейся на обширных количественных данных. Если в некоторых случаях количественные показатели просто недоступны, то в других аргументы авторов могли бы быть существенно усилены за

счет применения широкого количественного анализа. Например, глава Зепа явно бы выиграла за счет анализа статистики, демонстрирующей, до какой степени политики на национальном и муниципальном уровнях потакают общественному мнению вместо того, чтобы принимать нелегкие, но необходимые решения по вопросам миграции и положения меньшинств. Даже главы А. Бердникова и Д. Ханова, а также Т. Агарина могли бы выиграть за счет статистического анализа их содержания. Это не означает, что качественные данные бесполезны, они полезны в высочайшей степени. Но данные статистики придают аргументам больше убедительности, особенно в глазах тех, кто принимает решения.

Во-вторых, исследователям следует уделять больше времени изучению того, как титульные и нетитульные группы в балтийских странах сотрудничают в преодолении разрыва и работают совместно для формирования целостной идентичности. Центральной проблемой в этом сборнике, как и почти в любом другом тексте из области балтийских исследований, является констатация широкого разрыва (политического, социального, экономического) между “титульными” балтийскими народами и группами меньшинств. Главы В. Полешука, совместная глава В. Полешука и А. Димитрова, главы И. Никифорова и А. Марцинкявичюса – везде подчеркивается деструктивная природа исторических интерпретаций в балтийско-меньшинственных взаимоотношениях. Большинство прочих глав также отражают это восприятие, но с тремя исключениями: Д. Коченов, как и Б. Цилевич, по сути, делает акцент на не слишком успешных попытках преодолеть разрыв между балтийцами и небалтийцами, а Б. Зепа описывает работу, проделанную муниципальными властями. Занятно, что в первых двух случаях заслуга в преодолении разрыва принадлежит внешним силам, а вовсе не “титульным” группам стран Балтии. Имеются, однако, и другие пути, посредством которых балтийские группы большинства и меньшинства смогут улучшить взаимоотношения и усилить чувство сплоченности. В какой-то степени, например, это происходит между группами религиозных меньшинств, в образовательных институтах (как показала Б. Зепа), особенно высшего образования, в ходе дискуссий о сексуальных меньшинствах и по гендерным вопросам, а также нередко среди членов спортивных команд. Каждая из таких идентичностей потенциально достаточно сильна, чтобы послужить мостом над межэтнической пропастью для своих членов, как это наблюдается в разных странах по всему миру, хотя доля таких исследований очень ограничена в литературе о Балтии, и они вовсе не представлены в данной книге.

В-третьих, и как следует из предшествующего, изучение Балтии нуждается в практически ориентированных исследованиях. Как утверждает Т. Агарин, слишком многие авторы описывают историческое развитие этнических отношений, оспаривая и дебатировав детали того, как этническая напряженность проявлялась в прошлых десятилетиях и столетиях, вместо того, чтобы сосредоточиться на способах решения существующих проблем. Осознание есть первый шаг к оздоровлению, но это не панацея. Если ученые имеют возможность влиять на политику (что зависит, конечно, от конкретной страны и политической системы), они должны предлагать практические решения проблем, однако в данном сборнике такие предложения отсутствуют. Т. Богушевич, Д. Коченов и Б. Цилевич приблизились к этому в обсуждении практических аспектов протестных движений и позитивного влияния международных организаций, а Б. Зепа даже упоминает о необходимости практических решений в своей главе о миграционной политике, но взвешенных и обдуманных предложений в сборнике высказано мало.

Несмотря на общие недостатки, сборник является ценным вкладом в имеющуюся литературу по балтийскому региону и затрагивает целый спектр часто игнорируемых аспектов: особенно важно представление позиций незападных и “нетитульных” ученых, что обеспечивает разнообразие взглядов и затрагиваемых вопросов. Я настоятельно рекомендую эту работу любому исследователю стран Балтии или специалисту по этнополитическим отношениям, по меньшинствам, правам человека, или всем интересующимся ролью государства и негосударственных акторов в формировании и проведении внутренней политики.

Позволю себе также несколько замечаний на основе личного опыта. Признаюсь, я питаю слабость к странам Балтии, поскольку провел “в Прибалтике” два года. Мне приходится выдерживать внутреннюю борьбу, чтобы объективно анализировать их отношения с Россией, для читателей которой и писалась, в основном, рассматриваемая книга. Однако в еще большей степени я питаю слабость к народам балтийских стран. Каждый из многочисленных человеческих контактов в каждой из стран Балтии был для меня позитивным, независимо от этничности, языка или любого другого социального показателя. И глубокое уважение к народам балтийских стран дает мне право высказать ряд соображений.

Позвольте мне, имея в виду мой опыт, прокомментировать две вещи, которые огорчают меня в российско-балтийских взаимоотношениях, и сделать два предложения для улучшения этих отношений. Во-первых, в то время как большинство международных игроков, заинтересованных в российско-балтийских делах (Евросоюз, НАТО, Совет Европы, ОБСЕ и разного рода НПО и бизнес-сообщества), стараются двигаться вперед, балтийские правительства и руководители (особенно в Эстонии и Латвии) все еще смотрят назад. Они полны решимости решать этнические проблемы путем остракизма и маргинализации крупного меньшинственного населения, хотя история учит, что это редко дает позитивные результаты: взять, например, судьбу восточноевропейского еврейства или даже более наглядно – самих балтийских народов во времена СССР. Тем не менее правительства не обращают внимания на эти уроки и продолжают политику исключения.

Во-вторых, политически и экономически балтийские страны могли бы играть важную, при этом позитивную роль в отношениях России и Запада. Конечно, Россия не нуждается в других странах в качестве своих представителей, однако при большей осторожности и соответствующем настрое на сотрудничество страны Балтии могли бы сыграть существенную роль. Они только выиграли бы внутри Евросоюза, имея прочные взаимоотношения с Россией. Государства Балтии невелики и, следовательно, их влияние при принятии решений в Евросоюзе ограничено. Но если бы они представляли интересы России в Евросоюзе, это дало бы им возможность усилить свое влияние. Россия уже просила правительства Балтии помочь ей в вопросе о визовом режиме с Евросоюзом, и успех в одной области, как правило, вызывает рост сотрудничества в других. Разумеется, это не значит, что балтийские элиты должны “поддакивать” России или опасаться российского доминирования. Они уже давно члены Евросоюза и НАТО, поэтому маловероятно, что эти организации (особенно последняя) допустят, чтобы российское влияние оказалось чрезмерным.

Итак, что могут сделать правительства стран Балтии, чтобы улучшить отношения с Россией и получить реальные выгоды от своего геополитического положения? Прежде всего для Эстонии и Латвии настало время выбрать литовский путь и предоставить гражданство без всяких условий любому, кто прожил всю свою жизнь здесь и кто сможет доказать, что родился в одной из балтийских стран (неважно, в какой именно). Это не означает, что они должны принять русский в качестве официального языка, и они могут сохранить строгие правила для натурализации родившихся за пределами Балтии. Такой шаг явно даст понять всем жителям, что задача создания национального единства воспринимается всерьез, и это лишит основы постоянные претензии России, касающиеся внутриполитических дел этих стран. Это согласуется и с позицией упомянутых выше международных игроков. Безусловно, такие долгосрочные выгоды для правительств и граждан стран Балтии намного превысят кратковременные политические издержки.

Но сделав такой предварительный шаг, правительства трех балтийских стран должны нащупать почву для экономических и энергетических соглашений с Россией, практически без предварительных условий. Эти страны никогда не смогут разорвать экономические и энергетические связи с Россией, а за счет новых соглашений приобретут очень многое. Более того, недавние экономические и энергетические тренды внутри Евросоюза весьма малообещающие, и крупные страны (особенно Германия) ясно дали понять, что намерены сотрудничать с Россией вне зависимости от внешней политики России или Евросоюза. Находясь географически между этими двумя экономическими исполинами, страны Балтии могут либо с выгодой для себя оседлать удачу, либо многое потерять, заигравшись в конфликтные политические игры. И не стоит заблуждаться: даже если жесткий курс в отношении России имеет успех во внутренней политике и приносит голоса на выборах, в долгосрочной перспективе это не идет во благо ни политической, ни экономической ситуации в Латвии, Литве и Эстонии.

Б. Бауринг

Страсбургский суд и балтийская этнополитика: существенная роль истории и демографии

Книга “Этническая политика в странах Балтии” представляет для меня особый интерес.

Впервые я посетил Эстонию, Латвию и Литву в августе 1989 г., когда уже полным ходом шел процесс разрушения СССР: московское время менялось на поясное, а “балтийская цепочка” связала столицы всех трех республик. В 1994 г. я был приглашен в качестве наблюдателя на судебный процесс над А. Рубиксом, последним коммунистическим мэром Риги и лидером местной компартии вплоть до его ареста, последовавшего сразу после августовского путча в Москве. Он был приговорен к лишению свободы на основании специально сформулированного состава преступления, по закону, имевшему обратную силу, и с явным нарушением международных стандартов прав человека. После отбытия наказания он принял участие в выборах и в настоящее время является членом Европарламента от партии “Центр согласия”. Во время этих двух визитов, инициированных международными правозащитными организациями, я заинтересовался проблемами проживающих в Латвии русских и написал о них. Я также анализировал спорное и вызывающее тревогу решение Европейского суда по правам человека по делу “Кононов против Латвии” (жалоба № 36376/04, решение от 17 мая 2010 г.) и затрагивал проблемы русского населения в Балтии в других своих публикациях (*Bowring* 1994, 1995, 2007; *Бауринг* 2012).

В последние годы мне приходилось представлять заявителей из стран Балтии в Европейском суде по правам человека, например, в деле “Подколзина против Латвии” (жалоба № 46726/99, решение от 9 апреля 2002 г.), когда заявительница была лишена возможности баллотироваться в депутаты по причине якобы незнания языка. Я был также адвокатом заявителя по делу “Жданок против Латвии” (жалоба № 58278/00, решение от 17 июня 2004 г., решение Большой палаты 16 марта 2006 г.), когда заявителю уже по политическим мотивам было запрещено выставлять свою кандидатуру на выборах. Я также занимался проблемами, связанными с Эстонией, представляя в Европейском суде заявителей по делу “Коробов и другие против Эстонии” (жалоба № 10195/08, решение от 28 марта 2013 г.). Это дело было связано с молодыми русскими, пострадавшими от полицейского насилия в апреле 2007 г. в ходе беспорядков, связанных с переносом “Бронзового солдата” в Таллине. Решения Большой палаты Европейского суда по правам человека по делам Жданок и Кононова непосредственно затрагивали проблемы истории Латвии, политических условий ее независимости в прошлом, а также партизанского сопротивления в годы Второй мировой войны и сразу после ее окончания.

Этой краткой статьей я попытаюсь ответить на вопрос: в чем заключается релевантность истории в контексте правозащитной и меньшинственной тематики в странах Балтии?

Я отталкиваюсь от настоящего. Обращение с этническими русскими со стороны властей Эстонии и Латвии – это непрекращающийся скандал, позорящий Европейский союз и его политику расширения. Дискриминационные законы, особенно те, что касаются большого количества должновременных жителей Эстонии и Латвии, которым было отказано в гражданстве и вместе с тем вменено в обязанность иметь “паспорта иностранца”, грубо нарушают Копенгагенские критерии Европейского совета (о присоединении к ЕС), принятые в 1993 г. Обоим государствам, тем не менее, позволили присоединиться к Евросоюзу с 1 мая 2004 г. Решение вопроса о гражданстве само по себе является достаточным доказательством нежелания эстонских и латвийских властей привести свою политику в соответствие с европейскими стандартами в области прав человека. Литва, как признают редакторы и авторы сборника, относится к другой категории, не в последнюю очередь потому, что ее исторические проблемы были связаны скорее с Польшей, а не с Россией, а также потому, что численность русских и русскоговорящих меньшинств в Литве была относительно невелика. Литва, провозгласив независимость, выбрала, по сути, “нулевой вариант”, предоставив гражданство всем законно пребывающим на ее территории жителям путем оптации.

С моей точки зрения, дотошное изучение и анализ истории стран Балтии имеет важное значение для правильного понимания нынешних несправедливостей, а также для их исправления.

Три главы в обсуждаемой книге имеют прямое касательство к истории: “Советское наследие и современная этнополитика стран Балтии” П. Ярве, “Континуитет как основа государственности и этнополитики в Латвии и Эстонии” В. Полещука и А. Димитрова, а также “Политика исторической памяти в странах Балтии. Опыт и современное состояние” И. Никифорова. Эти главы, написанные весьма компетентными авторами, содержат богатый фактический материал, а также разнообразные суждения и ценные выводы. Однако, как мне представляется, кое-что из истории края представлено и проанализировано недостаточно. В особенности я не согласен, по крайней мере, с двумя формулировками, предложенными во введении, которое написали академик В. Тишков (директор ИЭА РАН, в прошлом – министр по делам национальностей РФ) и В. Степанов (ведущий научный сотрудник ИЭА РАН). Авторы введения утверждают, что СССР распался в результате реализации “старого советского лозунга о праве наций на самоопределение” (с. 14). Я вернусь к этому вопросу ниже. Также они ссылаются на “сецессию” Эстонии, Латвии и Литвы (с. 16), а не на восстановление ими государственности, что в действительности имело место в 1991 г. Это, на мой взгляд, переворачивает всю историю с ног на голову.

Начинать следует с XVIII в., когда территория нынешней Эстонии и Латвии находилась под шведским и польским господством. В 1710 г. Остзейский край вошел в состав Российской империи, сохранив высокую степень автономии. В 1721 г. российско-шведский Ништадтский мирный договор подтвердил свободу балтийских немцев на отправление протестантского культа, немецкую администрацию и законодательство. В Остзейском крае Российской империи, в который входили Эстляндская, Лифляндская и Курляндская губернии, было сохранено действие норм немецкого, польского и шведского законодательства, а в ходе “великих реформ” Александра II в 1864 г. прибалтийские территории получили собственные судебные органы (*Bowring* 2013: 124). Немецкое балтийское дворянство продолжало господствовать в Эстонии и Латвии, исправно поставляя империи солдат, офицеров и чиновников.

Как и следовало ожидать, в Эстонии и Латвии присутствовали многочисленные русские, семьи которых проживали на этих территориях с XVIII в. Данные переписи, проведенной по всей территории Российской империи в 1897 г., показали, что эстонцы составляли 89,4% населения нынешней территории Эстонии, русские – 4,6%, а немцы – 3,4%. Латыши составляли 68,3% от общей численности населения нынешней территории Латвии, русские – 12%, евреи – 7,4%, немцы – 6,2% и поляки – 3,4% (*Eberhardt* 2003).

Независимые государства на этих территориях появились в 1920 г. Тартуским мирным договором, заключенным в феврале 1920 г., была признана независимость Эстонии. Московский договор в июле 1920 г. узаконил признание Советской Россией независимости Литвы, а Рижский мирный договор, заключенный в августе 1920 г., признавал независимость Латвии. В ноябре 1920 г. В. Ленин заявил:

В течение минувших трех лет Польша, из числа входивших раньше в состав бывшей Российской империи мелких государств, принадлежала к числу тех, которые больше всего враждовали с великорусской национальностью и которые больше всего имели претензий на большую часть территорий, не населенных поляками. Мир с Финляндией, Эстонией и Латвией был нами заключен тоже вопреки желанию империалистической Антанты, но этого было легче достигнуть потому, что в Финляндии, Эстонии и Латвии у буржуазии не было своих собственных империалистических целей, из-за которых борьба против Советской республики казалась необходимой, тогда как стремления польской буржуазной республики направлялись не только на Литву и Белоруссию, но и на Украину (*Ленин* 1970: 18–19).

В работах, опубликованных в 1914 и в 1916 гг., В. Ленин, полемизируя с Р. Люксембург и другими оппонентами, высказывался за безусловное право наций на самоопределение. Нет сомнений, что признание государственной независимости Финляндии, Эстонии и Латвии полностью соответствовало политике большевиков, как ее формулировал Ленин, несмотря на то что эти новые государства были буржуазными республиками. Нелишним будет повторить, что этнические эстонцы и латыши составляли значительное большинство населения в каждом из новых государств. В 1934 г. среди населения Эстонии (в современных границах) было 92% эстонцев и 4,4% русских, в то время в Латвии, по данным переписи 1925 г., проживало 73,4% латышей и 10,6% русских.

Политика И. Сталина сильно отличалась от политики В. Ленина. М. Левин (*Lewin* 2005) описывал спор между Лениным и Сталиным по поводу будущего Грузии, относящийся к пос-

ледену периоду жизни Ленина. Если Ленин выступал за независимость Грузии, хотя бы и под меньшевистским правлением, то Сталин разгромил движение за независимость. Под руководством Сталина Российская империя, переименованная в СССР, достигла максимума территориального расширения, объединив под советским контролем всю прежнюю территорию империи, за исключением Финляндии и части Польши. Это стало следствием подписания пакта Молотова–Риббентропа в Москве 23 августа 1939 г. Секретный протокол поделил территорию Румынии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии на немецкую и советскую “сферы влияния”. Германия напала на Польшу 1 сентября 1939 г. Сталин приказал вторгнуться в Восточную Польшу (нынешние Западную Украину и Беларусь) 17 сентября, после чего последовало присоединение к СССР Эстонии, Латвии, Литвы, Бессарабии и других территорий. На мой взгляд, популярные в России аргументы, что Эстония, Латвия и Литва добровольно вошли в состав СССР, не заслуживают большого внимания. Советская аннексия прибалтийских территорий по итогам поражения нацистов в войне также была незаконной с точки зрения международного права, хотя со времени Н. Хрущева стала проводиться политика “коренизации” с опорой на неповторимую культурную идентичность и местные коммунистические элиты.

В результате советской политики индустриализации и перемещения населения ко времени проведения переписи населения 1989 г. среди жителей Эстонии было 61,5% эстонцев и 30,3% русских. В Латвии же, соответственно, – 52% латышей и 34% русских. Этнические русские не были оккупантами ни в каком смысле. Будучи по большей части обычными трудящимися, они после 1991 г. оказались не в СССР, а на территориях стран, восстановивших свою независимость на фоне распада Советского Союза. Эти же русские активно поддерживали независимость своих новых стран, и сегодня они требуют для себя полноправного гражданства. В то же время не следует забывать, что восстановившие независимость балтийские страны уже ранее двадцать лет были независимыми суверенными государствами, а также имели долгую историю автономии в составе Российской империи. Эти государства не отделились от СССР, но восстановили свою государственность в условиях радикальных демографических перемен. Без точного понимания истории народов, населяющих страны Балтии, невозможно правильно истолковать эмоциональные реакции, вызванные делами Жданок, Кононова и Коробова и др.

Трагическая история, конечно, не оправдывает дискриминационную государственную политику, проводимую Эстонией и Латвией после 1991 г. Но невозможно понять и степень глубокого недоверия балтийцев к России и русским без уяснения всех исторических предпосылок, чему в рассматриваемой книге, видимо, было уделено недостаточно внимания. Большой вклад моего бывшего клиента депутата Европарламента Т. Жданок в политическую жизнь современной Латвии и всех стран Балтии состоит в том, что внимание русских и русскоязычных жителей, ищущих защиты своих прав, было во многом перенаправлено в сторону Брюсселя и Страсбурга, а не Москвы. Это замечание одинаково справедливо и в отношении “титulyных” балтийских элит.

Источники и литература

- Bauring* 2012 – *Bauring B.* Постановление Большой палаты Европейского суда по правам человека по делу “Кононов против Латвии” (17 мая 2010 г.): права ли Российская Федерация в своем понимании соотношения политики и международного права? // *Международное правосудие*. 2012. № 2. С. 75–83.
- Ленин* 1970 – *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 42. М.: Политиздат, 1970.
- Bowring* 1994 – *Bowring B.* Report of a Second Mission to the Republic of Latvia, May and June 1994. Bar Human Rights Committee of England and Wales, Fédération des Ligues de Droit de l’Homme (FIDH). 1994. URL: barhumanrights.org.uk/content/report-second-mission-republic-latvia.pdf.
- Bowring* 1995 – *Bowring B.* Whose Rights, What People, Which Community? The Rule of Law as an Instrument of Oppression in the New Latvia // *Racism, Nationalism and the Rule of Law* / ed. P. Fitzpatrick. Dartmouth, 1995. P. 117–134.
- Bowring* 2007 – *Bowring B.* Negating Pluralist Democracy: The European Court of Human Rights Forgets the Rights of the Electors // *KHRP Legal Review*. 2007. № 11. P. 67–96.
- Bowring* 2013 – *Bowring B.* Law, Rights and Ideology in Russia. Landmarks in the Destiny of a Great Power. Routledge, 2013.
- Eberhardt* 2003 – *Eberhardt P.* Ethnic Groups and Population Changes in Twentieth-Century Central-Eastern Europe: History, Data, and Analysis / tr. J. Owsinski. N.Y.: M.E. Sharpe, 2003.
- Lewin* 2005 – *Lewin M.* Lenin’s Last Struggle. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 2005.

В.В. Полещук

Время робких надежд: ответ редактора рецензентам¹

Последние двадцать лет “национальность” играла особую роль в процессах нациестроительства в странах Балтии. Могло ли быть иначе в наивном обществе вчерашней Советской Прибалтики, где этнические связи, пусть иллюзорные, казались единственной связующей нитью на фоне развала прежних политических, экономических и культурных форм жизни? Каковы были другие варианты развития событий? Все познается в сравнении. На европейской территории бывшего СССР трудно найти более разные страны, чем Белоруссия и родная для автора Эстония. В начале 1990-х гг. между Белоруссией и странами Балтии было немало сходства, но смена режима в Минске после 1994 г. привела к резкому изменению этнополитики². В итоге мы можем констатировать, что на постсоветском пространстве за пределами России все же имеются примеры нациестроительства на гражданской основе, открытое заимствование (а не отрицание) в рамках этого процесса советского опыта, маргинализация этнического национализма в публичном и научном дискурсе. Насколько способствовал такому развитию острый дефицит демократии в Белоруссии – вопрос особый, как и то, выдержит ли этот проект испытание временем. Но вот балтийский опыт уже однозначно свидетельствует о том, что этнический национализм (неважно, какое его популярное научное определение использовать) вполне может уживаться с режимом либеральной западной демократии и может вписываться в рамки современной системы защиты прав человека и прав национальных меньшинств. Построенная в странах Балтии демократия – ценный ресурс для тех, кто желает перемен. Но в реальном мире голос меньшинств обычно имеет незначительный вес, особенно если у этих меньшинств нет гражданства страны проживания. Хитрецы прячут вещи на виду: решения о гражданстве в Эстонии и Латвии – демократических ныне входящих в Евросоюз странах – лучше сотен научных статей высветили истинные намерения правительств государств, имеющих крупные (и нелюбимые многими) русские меньшинства.

Страны Балтии служат своеобразным эталоном для этнополитических активистов на просторах бывшего СССР, а местные ученые привыкли к вниманию со стороны, например, украинских и молдавских коллег. Книга “Этническая политика стран Балтии” как раз призвана показать, как, с точки зрения авторов, работает этнополитическая система и как она может оцениваться сторонними наблюдателями. Успешность этнической политики, устойчивость государства и общества в этнополитическом контексте – всё это может замеряться согласно различным критериям, в зависимости от целей, задач и, порою, политических вкусов. Но почти всех авторов книги, которые жили или работали в странах Балтии, объединяет скепсис по поводу успешности балтийской этнополитики, которая, по сути, воспроизводит этнолингвистическое разделение внутри обществ и слишком мало делает для преодоления имеющихся разрывов. Видимо, с такими выводами согласны и авторы рецензий, хорошо знакомые с балтийской тематикой. Ю. Шабаяв говорит о поддержке балтийскими правительствами своеобразной комбинации политики исключения и ассимиляции, А. Регельманн рассуждает о вымученном создании “мигрантского” меньшинства с далеко идущими политическими последствиями, а Дж. Ламоро советует избегать остракизма и маргинализации меньшинств и вновь упоминает политику исключения. Проф. Б. Бауринг, работавший в регионе как юрист-правозащитник, вообще утверждает, что политика Эстонии и Латвии в отношении местных русских – “непрекращающийся скандал, позорящий Европейский союз и его политику расширения”. Проживающая в Эстонии К. Халлик гораздо менее резка, но и она ратует за большую, чем сегодня, вовлеченность русских меньшинств в жизнь балтийских обществ.

Дж. Ламоро справедливо указывает, что, выявляя и описывая проблемы этнополитики, надо больше внимания уделять попыткам их преодоления и соответствующим рекомендациям. Примечательно, что рекомендации самого американского рецензента для творцов местной этнополитики так или иначе касаются взаимоотношений балтийских стран с Россией и включают даже призывы к более активному экономическому и энергетическому сотрудничеству. Нормализация отношений между Москвой и местными столицами, действительно, создаст более ком-

Вадим Владимирович Полещук – Mag. Jur., докторант Гронингского ун-та (Нидерланды), ведущий сотрудник Центра информации по правам человека (г. Таллин, Эстония); e-mail: vadim@lichr.ee

фортные условия для общественно-политической и культурной деятельности местных русских, которых многие в Балтии считают политически неблагонадежными. Однако такой подход исходит из посылки, что местные русские являются не субъектом, а объектом политики; некой темой, которую обсуждают, наряду с прочими, на переговорах в Москве, Вашингтоне или Брюсселе. На самом деле польза от интернационализации “русского вопроса” для самих балтийских меньшинств не столь очевидна, а отказ видеть у их лидеров независимые от России взгляды, интересы и настроения удивляет и обижает. Это не отменяет того факта, что их взгляды порою совпадают с тем, что говорится на Смоленской площади, а какая-то часть местных сообществ даже рассчитывает на помощь Москвы при отстаивании своих законных прав и интересов. Однако являющийся фактом отказ признавать политическую субъектность представителей местных меньшинств приводит к консервированию весьма специфической модели отношений между “титულными” и “нетитулными” группами, которую лишь большой оптимист назовет равноправной.

Наша книга содержит мало прогнозов. На фоне внешнеполитической турбулентности последних лет и множества новых приходящих обстоятельств эта задача была бы не под силу маленькому авторскому коллективу. Однако в ряде глав эта тема все же затронута. Б. Цилевич заканчивает свой анализ тем, что роль Совета Европы “в международной оценке этнополитики государств Балтии не стоит недооценивать” (с. 338). Однако конкретные примеры в его главе дают не слишком много оснований ожидать скорых и значительных перемен к лучшему. Скорее на оптимистический лад был настроен проф. Д. Коченов, который видит большое будущее за Евросоюзом в целом и особенно за ролью, которую он может сыграть в странах Балтии. Положительные перемены авторами книги, так или иначе, увязываются со сторонним, особенно европейским влиянием. На этом фоне вполне закономерным выглядит вопрос, который в своей рецензии задает Ю. Шабаев: а развивалась ли балтийская этнополитика в постсоветскую эпоху в русле европейских традиций? Казалось бы, все внешние признаки позволяют ответить на этот вопрос утвердительно. На некое “смягчение нравов” справедливо указывает в своей рецензии К. Халлик. Но анализ доминирующих политических дискурсов пока ставит под сомнение быстрое и, главное, искреннее перерождение местных элит в духе новых веяний. Ю. Шабаев спорит с П. Ярве, утверждающим, что “наследие советской национальной политики стало явным препятствием для новых балтийских элит в их цели добиться реституции, восстановления довоенных государств с доминированием этнонаций латышей, литовцев, эстонцев”, указывая на то, что “советская этнополитика стала фундаментом, на котором строились концепты литовской, латышской и эстонской этнонаций”. Но больших противоречий между двумя уважаемыми учеными на самом деле нет: просто, действительно, в странах Балтии вполне советскими методами могут преодолеваются некие нежелательные последствия советской политики, при этом новая политика будет покоиться на советском же фундаменте (в самом деле: двадцать лет строить без фундамента было бы затруднительно).

Парадоксальность такой политики может озадачивать стороннего наблюдателя, но не вызывает особой рефлексии у балтийцев. В своей главе И. Никифоров на примере политики исторической памяти показал, как можно менять наполнение политики, почти не затрагивая ее формы и используемый инструментарий. Именно это определяет вполне отстраненное отношение многих авторов книги к тому, какие интерпретации исторических событий и каким образом используются в контексте этнополитики. Безусловно, эту тему надо поднимать, что автор этих строк и сделал в соавторстве с А. Димитровым, рассмотрев вопрос о континуитете балтийских государств и политике реституции. Однако многие (если не все) исторические и юридические оценки, сталкиваясь с прозой жизни, редко имеют практическое применение вне контекста принятых по их поводу политических решений. Например, отсылки к реституции легитимизируют политику в сфере гражданства в Эстонии и Латвии, но отнюдь не служат ответом на вопрос: почему в рамках политики реституции были приняты именно такие, а не иные решения: скажем, почему массового безгражданства не возникло в Литве? Данный вопрос отнюдь не праздный, поскольку актуальная этнополитика, воспринимаемая как несправедливая подавляющим большинством русскоязычных, сегодня вполне серьезно объясняется событиями 70-летней давности.

Тем не менее авторы книги ни на минуту не забывали о трагических событиях балтийской истории. Б. Бауринг в своей рецензии в рамках принятых на Западе подходов подробнее остановился на некоторых обстоятельствах приобретения и скорой утраты в 1940 г. независимости балтийскими государствами, о чем в книге было написано, быть может, недостаточно подробно.

Но кроме того, британский рецензент высветил важный момент, который поможет понять подход балтийцев к праву наций на самоопределение. Вполне в духе В. Ульянова-Ленина, где-то на уровне подсознания лидеры стран Балтии считают, что самоопределились не народы-нации, а “титულные” этнические группы. Местные ученые понимают, конечно, что это проблема: в противном случае проводимые в Эстонии социологические опросы не выясняли бы у местных русских, считают ли они себя частью упомянутого в Конституции народа Эстонии – носителя верховной власти. Но вот балтийским политикам даже риторика гражданской нации дается пока с трудом.

Один из рецензентов особо похвалил за объективность Е. Хелемяэ. Ирония в том, что именно ею сделан самый мрачный прогноз: “социально-экономическое неравенство, помноженное на ощущение безысходности из-за невозможности влиять на политические решения, является бомбой, которая может взорваться в любую минуту. Важнейшим фактором, от которого зависит будущее Эстонии, (...) может быть способность политической системы создать предпосылки для более равных этнических отношений” (с. 234). На возможность открытых конфликтов явно или неявно указывают и другие авторы книги (в реальности латентных конфликтов не сомневается, наверно, никто). А. Регельманн в своей рецензии пишет, что вероятность конфликтов снижается неким улучшением социально-экономического фона, а также наличием альтернативных стратегий (например, выход из “системы” через эмиграцию). Отмеченная авторами слабость общественных структур меньшинств делает, по ее мнению, крайне маловероятным появление в странах Балтии чего-то подобного американскому движению за гражданские права. А. Регельманн полагает, что все ограничится “днями гнева”, вроде тех, когда в парижских пригородах жгут автомобили. Однако есть одно обстоятельство, которое заметно усложняет прогнозирование по этому вопросу. Люди зачастую готовы мириться с (худшими) социально-экономическими условиями, когда в целом социальная ситуация терпима, а для иммигрантов или меньшинств немаловажным фактором являются нищета и безысходность, которую они видят или оставили за собой в стране происхождения. Похоже, это уже не вполне применимо к русскоязычным меньшинствам стран Балтии. Даже беглый обзор последней макроэкономической статистики показывает, что разрыв между Россией, с одной стороны, и Эстонией, Латвией и Литвой – с другой, в чем-то сильно сократился, где-то исчез, а где-то намечается уже отставание балтийских стран. Практика показывает, что во время экономических кризисов риски между “титулными” и “нетитулными” группами делятся отнюдь не поровну. Терпеть социально-экономическое и политическое неравенство, при этом наблюдая лучший уровень жизни соплеменников через границу, – в перспективе это может стать новым вызовом для внутривнутриполитической стабильности. Также возникает интересный вопрос, будут ли меньшинства в кризисной ситуации сохранять пусть робкую, но все еще имеющуюся надежду на балтийские демократии? Хотелось бы верить, что да. При этом хочется также разделить с К. Халлик уверенность в том, что многое здесь будет зависеть от готовности этнического большинства признавать этническое многообразие, а местных государств – обеспечивать русским меньшинствам равное участие при определении общенациональных задач и ценностей.

На фоне масштабных событий на Украине ощущается, как пришло в движение постсоветское пространство, растет напряженность в бывших “горячих точках”. Все это еще раз указывает на необходимость самого серьезного и тщательного обдумывания вопросов этнополитики. Страны Балтии стали теми государствами, где этой политике уделялось самое пристальное внимание. Надеюсь, что книга, ставшая предметом обсуждения на страницах этого журнала, позволит лучше изучить балтийский опыт этнополитики – как отрицательный, так и полезный, применимый в других странах.

Примечания

¹ Редакция выражает благодарность В.В. Полешуку, А.А. Семенову и И.В. Никифорову (Эстония) за помощь в подготовке рецензий к печати.

² Автор имел возможность изучить ситуацию в Белоруссии, включая соответствующие научные публикации, участвуя в проекте Ассоциации равных прав (Великобритания) в 2012–2013 гг. В рамках этого проекта он стал основным автором текста итогового аналитического доклада (За полчаса до весны. Доклад о неравенстве и дискриминации в Беларуси. ERT Country Reports Series: 3. Лондон, 2013).